

© 1998 г. Е.Ю. КАЛИНИНА

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФИНИТНЫХ И НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

1. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФИНИТНЫХ И НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Разграничение финитных и нефинитных форм глагола базируется на традиции описания языков средневропейского стандарта. Именно на материале этих языков сложился дистрибутивный критерий их разграничения, понимаемый как способность/неспособность некоторой формы быть сказуемым независимого предложения. Дистрибутивный критерий дает возможность выделить в языках средневропейского стандарта два непересекающихся класса форм: к нефинитным относят те формы глагола, которые не могут выступать в функции сказуемого независимого предложения, тогда как к финитным относятся те формы глагола, которые используются только в данной позиции. Случайно ли то, что эти два класса не пересекаются? Иными словами, какие свойства определяют дистрибуцию форм глагола, и, соответственно, отнесение той или иной формы к одному из двух классов? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим каждый класс форм в отдельности.

Финитный глагол, выражающий различные значения грамматических категорий времени, модальности и лица, в индоевропейских языках бесспорно является конституирующим элементом независимого предложения (см. [Ries 1931]). Существительные и прилагательные, которые не обладают способностью выражать значения данных категорий, не могут самостоятельно выступать в позиции сказуемого независимого предложения, требуя присутствия финитного глагола-связки. Например, в предложениях древнегреческого языка *ego eimi alfa kai omega*, *ego eimi protos kai eskhatos* "Я есмь альфа и омега, Я есмь первый и последний" глагол-связка *eimi* выражает категории времени, модальности и лица (наст. вр., изъяв. накл., 1 л.). Важность роли финитного глагола в предложении находит свое отражение в синтаксических теориях: глагол-связка получает статус вершины по отношению к присвязочной части (существительному, прилагательному, нефинитной форме глагола и пр.). Так, в модели "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст" глагол-связка является вершиной присвязочного синтаксического отношения, идущего от глагола-связки к присвязочной части (см. [Мельчук 1972]). Аналогично обстоит дело в порождающей грамматике (см. [Radford 1988]): глагол-связка поднимается трансформацией "передвижение глагола" (V-movement) из узла AUX в узел I, вершину предикативной составляющей (схема 1). Узел I так и называется – финитная категория.

На чем основано представление о финитном глаголе как о конституирующем элементе предложения? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем следующее определение предложения: "предложение – это грамматично составленная

* Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ № 95-06-17234. Автор также выражает глубокую признательность А.Е. Кибрику и С.Ю. Толдовой за высказанные замечания и помощь в процессе работы над статьёй.

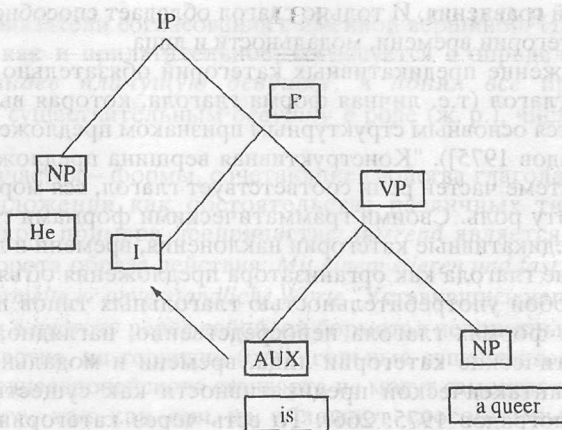

Схема 1

(grammatisch geformte) минимальная единица речи, которая выражает свое содержание в свете своего отношения к действительности" [Ries 1931: 99]. Соотнесенность высказывания с действительностью и является содержанием свойства предикативности, которое есть "свойство предложения представлять свое означаемое как событие, ситуацию" [Черемисина 1979: 7-8]. Привязка предложения к действительности (и, соответственно, способность предложения обозначать событие, ситуацию) получает свое выражение через предикативные категории времени и модальности. Рассмотрим следующие примеры:

Я жил в Париже

Я живу в Париже

Я буду жить в Париже

Я бы жил в Париже

Одно и то же содержание в них по-разному соотносится с действительностью: в первых трех предложениях событие имеет разную временную локализацию (относясь к плану прошедшего, настоящего и будущего соответственно), а в четвертом предложении сообщается, что событие возможно при определенных условиях, но не имеет места в действительности и поэтому не локализовано во времени. Разница в "привязке" одного и того же содержания к действительности возникает благодаря выражаемым формами глагола категориям времени (прошедшего, настоящего и будущего в первых трех примерах соответственно) и модальности (формы изъявительного наклонения в первых трех примерах и сослагательного – в четвертом): эти категории "позволяют разместить событие в логическом пространстве всего, доступного мысли" [Черемисина 1979: 8].

Наличие категории предикативности, т.е. выражаемых специальными грамматическими средствами категорий времени и модальности, признается "важнейшим признаком простого предложения как самостоятельной грамматической категории" [Грамматика 1970: 542]. Итак, через категории времени и модальности содержание предложения ставится в определенное отношение к действительности. Необычайно важна также и категория лица – через нее сказуемое связывается с подлежащим, которое производит "окончательную привязку предложения к данной единичной ситуации" [Черемисина 1979: 9].

С другой стороны, не все части речи могут морфологически выражать данные категории. Достаточно четкое разграничение частей речи в индоевропейских языках в значительной степени основано на действии морфологического критерия, т.е. способности некоторой единицы выражать определенный набор морфологических категорий: так, существительное обладает в первую очередь категориями числа и падежа (а также рода), прилагательное – категориями рода, числа, падежа, часто –

категорией степеней сравнения. И только глагол обладает способностью морфологически выражать категории времени, модальности и лица.

Поскольку выражение предикативных категорий обязательно в любом предложении, финитный глагол (т.е. личная форма глагола, которая выражает эти категории) представляется основным структурным признаком предложения (см., например [Ries 1931; Виноградов 1975]). "Конструктивная вершина предложения – сказуемое. Этой функции в системе частей речи соответствует глагол, вся морфология которого ориентирована на эту роль. Своими грамматическими формами глагол непосредственно выражает предикативные категории наклонения, времени и лица" [Черемисина 1979: 8]. "Понимание глагола как организатора предложения объясняется не только преобладанием, особой употребительностью глагольных типов предложения, но и тем, что в личных формах глагола непосредственно, наглядно, морфологически выражены грамматические категории лица, времени и модальности, с которыми связано понятие синтаксической предикативности как существенного признака предложения" [Виноградов 1975: 266]. То есть через категории лица, времени и модальности выражается предикативность как соотнесенность предложения с действительностью, и понятие о глаголе как единственно возможной вершине предложения основывается на представлении о необходимости выражения данных категорий в любом предложении. Поскольку ни существительное, ни прилагательное не обладают способностью выражать предикативные категории самостоятельно, их появление в позиции сказуемого должно сопровождаться глаголом-связкой, выражающим необходимый набор категорий.

В русском языке и других европейских языках существуют отглагольные образования, которые, сочетая в себе свойства глагола и других частей речи, теряют способность выражать предикативные категории времени, модальности и лица, – это отглагольные существительные (называемые также масдары или герундии), причастия, деепричастия. Они обладают рядом глагольных свойств, а именно: обозначают действие (или состояние), могут быть предикатом (вершиной) зависимого предложения, могут иметь категории времени и вида, при них часто сохраняется глагольное управление. Рассмотрим русское предложение *Подобрав упавшую на пол купюру, он засунул ее к себе в бумажник*. Деепричастие *подобрав* (сов. в.) обозначает действие и является сказуемым зависимого обстоятельственного оборота, кроме того, при нем есть прямое дополнение в вин. п. (*купюру*), то есть в той же форме, в какой оно было бы в независимом предложении (ср. *Он подобрал купюру*). Причастие *упавшую* (сов.в.) тоже обозначает действие и является сказуемым причастного оборота. (ср. форму несов. в. *падавшую*).

Формы, сочетающие свойства глагола и имени (например, герундий в английском языке), употребляются в актантной позиции и могут иметь зависимое в генитиве (в английском языке это посессивная форма). В предложении *John's running to and fro is up to no good* "То, что Джон бежит туда-сюда, ничем хорошим не кончится" форма герундия *running* употреблена в позиции подлежащего и имеет зависимое существительное в посессивной форме. В кавказских языках, где масдары – одна из регулярно образующихся глагольных репрезентаций, они склоняются, присоединя падежные показатели (пример из цахурского языка):

(1) <i>ac'axa-j-l-e</i>	<i>qīRa</i>	<i>hama-na</i>
1. знать, стать -MSD-SUP-EL	после	этот-AA
<i>balkan-y=b</i>	<i>žu-s</i>	<i>w=uxe-že</i>
лошадь.3=CON.3	сам. OBL.1-DAT	3=AUX-JUSS
"После того как (его) узнаю, пусть эта лошадь ему останется (=будет)".		

Причастия, т.е. формы, употребляющиеся в позиции определения при имени (*a running man* "бегущий человек"), сочетают свойства глагола и прилагательного. Так,

они могут иметь показатели согласования с именной вершиной. Например, в русском языке причастие, как и прилагательное, согласуется с определяемым именем. В предложении *Увидев плачущую девушку, я понял все* причастие *плачущую* согласуется с существительным *девушку* в роде (ж. р.), числе (ед. ч.) и падеже (вин. п.).

Наконец, деепричастия – формы, сочетающие свойства глагола и наречия – функционируют в предложении как обстоятельства различных типов. Например, в следующем немецком примере деепричастие *starrend* является вершиной обстоятельственного оборота образа действия: *Mit einem stieren und fast irren Blick ins Leere vor sich starrend, murmelte er unverständliche Worte* "Уставившись неподвижным и почти безумным взглядом в пустоту перед собой, он бормотал непонятные слова".

Однако ни причастия, ни герундии (отглагольные существительные), ни деепричастия в языках средневропейского стандарта не могут самостоятельно появляться в позиции сказуемого, так как они не обладают способностью выражать предикативные категории времени, модальности и лица. Поэтому данные формы в позиции сказуемого, подобно существительным и прилагательным, требуют глагола-связки. Рассмотрим английское причастие II от глагола *to move*: *Deeply moved, he pressed her hand to his lips* "Глубоко тронутый, он прижал ее руку к губам". Форма *moved* не может самостоятельно появляться в позиции сказуемого независимого предложения, а, как и прилагательное, требует присутствия глагола-связки. Ср. пример с прилагательным *He was sad* "Он был печален" и с причастием *He was deeply moved* "Он был глубоко тронут". Отглагольные имена, причастия и деепричастия относятся к нефинитным формам глагола потому, что они, подобно существительным, прилагательным и наречиям, не могут самостоятельно выступать в функции сказуемого независимого предложения. В языках средневропейского стандарта нефинитные формы в сочетании с глаголами-связками употребляются в составе аналитических форм глагола – ср. англ. *He was drinking hard* "Он много пил", нем. *Sie hat mich gerettet* "Она меня спасла", франц. *Je suis tombé* "Я упал" и др.

Итак, разделение форм глагола на два непересекающихся класса финитных и нефинитных форм на основании чисто дистрибутивного критерия (возможность/невозможность быть сказуемым простого предложения) сложилось на материале языков средневропейского стандарта благодаря действию следующих факторов: в этих языках достаточно четко выделяются части речи и основным критерием их выделения оказывается морфологический (обладание определенным набором категорий). Морфологические характеристики решающим образом определяют и синтаксические функции частей речи: только глагол в личной форме может выражать значения предикативных категорий и поэтому употребляется только в функции сказуемого независимого предложения, оказываясь его конституирующим элементом. Существительное и прилагательное, которые не могут морфологически выражать значения предикативных категорий, не могут быть сказуемыми независимого предложения самостоятельно, а требуют при себе глагола-связки. Соответственно, отглагольные образования, сочетающие свойства глагола и других частей речи (отглагольные существительные, причастия, деепричастия) также не могут сами по себе выступать в роли сказуемого независимого предложения, так как их морфология не позволяет выражать предикативные категории. Эти формы относят к нефинитным формам. Основная сфера их функционирования – сказуемые придаточных предложений и аналитические формы глагола, где они выступают в сопровождении глагола-связки. В обоих типах конструкций с глаголом-связкой (именное сказуемое и аналитические формы глагола) глагол-связка считается вершиной предикативной составляющей, что отражает отношение к ней как к основному структурному признаку предложения.

2. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФИНИТНЫХ И НЕФИНИТНЫХ ФОРМ В ТИПОЛОГИИ

В индоевропейских языках критерий разграничения финитных и нефинитных форм глагола легко свелся к дистрибутивному – те формы, которые употребляются только в позиции сказуемого простого предложения, являются финитными; те, для которых такое употребление невозможно, относятся к нефинитным. Применение этого достаточно простого критерия на материале индоевропейских языков действительно дает возможность выделить два непересекающихся класса глагольных форм в зависимости от их дистрибуции.

Однако попытки применения дистрибутивного критерия финитности на более широком типологическом материале не дают подобных однозначных результатов, как при его применении на материале индоевропейском. Во многих языках мира существуют такие формы глагола, которые мы бы отнесли к нефинитным на основании индоевропейских стандартов: эти формы сочетают свойства глагола и других частей речи, а также имеют сферу употребления, близкую к сфере употребления нефинитных форм глагола в индоевропейских языках (сказуемое зависимого предложения и/или аналитические формы глагола). При этом данные формы свободно употребляются в позиции сказуемого независимого предложения, не требуя при себе глагола-связки, поэтому их нельзя охарактеризовать как финитные или нефинитные на основании чисто дистрибутивного критерия. Рассмотрим несколько таких языков: их материал призван продемонстрировать то, что критерий разграничения финитных и нефинитных форм на основании их дистрибуции не всегда может применяться в типологии.

АВАРСКИЙ ЯЗЫК (нахско-дагестанская семья языков, аваро-андо-цезская группа). В аварском языке существуют три безусловно финитные формы глагола – это формы настоящего, прошедшего и будущего времени. Покажем их на примере глагола *цIализе* "читать" – *цIал-ула* (наст. вр.), *цIал-ила* (буд. вр.), *цIал-ана* (прош. вр.) (примеры из [Саидов 1967]).

Кроме того, в аварском существует форма глагола, которая имеет все основания называться причастием: она возглавляет относительное предложение и имеет показатель согласования по классу с именной вершиной (пример из [Бокарев 1949]):

- (2) *дица* *б = ос-ила-ре = б* *реmlел*
я. ERG N = брать-FUT-NEG = PART.N одежда
"Одежда, которую я не возьму".

В соответствии с индоевропейским стандартом мы ожидаем, что каждое появление данной формы в позиции сказуемого должно сопровождаться глаголом-связкой, но этого не происходит: причастие в аварском языке допускает употребление в позиции сказуемого без связки, согласуясь, как и глагол, с существительным в абсолютиве (пример из [Бокарев 1949]):

- (3) *гулли-ца* *ХIажимурад* *в=амIа*
пуля-ERG Хаджи-Мурад M = различие
гъа = в-ула-ре = в
M = делать-PRES-NEG = PART.M
"Пуля Хаджи-Мурада не различает".

При этом в аварском языке существует и безусловно нефинитная форма – деепричастие (пример из [Рохалил Хабар 1996]):

- (4) *дур-го* *турут-ги* *б = ос-ун*
твой-RESTR постель-и N = брать-CONV
рокъо = в = е *а*
домой = M уходить. IMP
"Возьми свою постель и иди домой".

Эта форма не может самостоятельно быть сказуемым независимого предложения.

- (5) **du-qa* *dip-2o* *турут* *б = ос-ун*
 я.OBL-ERG мой-RESTR постель N = брать-CONV

ЦАХУРСКИЙ ЯЗЫК (нахско-дагестанская семья языков, лезгинская группа). В цахурском языке не существует в чистом виде финитных форм глагола – к финитным формам на основании дистрибутивного критерия можно отнести, пожалуй, только формы наклонений – императива, юссива и др. (см. [Добрушина (в печати)]). Все формы, употребляющиеся как сказуемое независимого предложения, могут функционировать как нефинитные формы:

1) Форма атрибутива. Подобно причастию в индоевропейских языках, данная форма функционирует как определение при имени (и, соответственно, как вершина относительного предложения), согласуясь по классу с именной вершиной (имеется один показатель согласования с существительными 1–3 классов и другой – с существительными 4 класса). Но, как и причастие в аварском языке, данная форма появляется в позиции сказуемого без связки¹. Ср.:

- (6a) *balkan* *qol = p = q-u-na* *siXnari*
 лошадь. N.3 N.3 = красть-PF-AT.M вор.М
 "Вор, укравший лошадь";

- (6b) *temraz-ē* *qol = t = q_o-in* *gynej*
 Темраз-ERG N.4 = красть. PF-AT.N.4 хлеб. N.4
 "Хлеб, украденный Темразом";

- (7) *temraz-ē* *balkan* *qol = p = qu-na*
 Темраз-ERG лошадь. N.3 N.3 = красть. PF-AT.N.3
 "Темраз украл лошадь".

2) Формы совершенного вида, несовершенного вида и потенциалиса. В цахурском языке все эти три так называемые простые глагольные формы (подробнее см. [Майсак, Татевосов 1998]) допускают как финитное, так и нефинитное употребление, т.е. могут употребляться как в позиции сказуемого независимого предложения, так и в позиции сказуемого зависимого предложения:

- (8a) *dak-ē* *dawar* *qa = b = y*
 отец-ERG баран N = приводить. PF
 "Отец привел барана";

- (8b) *dak-ē* *dawar* *qa = b = y* *gi = w = k'-u-na*
 отец-ERG баран N = приводить. PF N = резать-PF-AT
 "Отец привел барана и резал";

- (9a) *dak-ē* *dawar* *gi = w = k'-as*
 отец-ERG баран N = резать-POT
 "Отец зарежет барана";

- (9b) *dak-ē* *dawar* *qa = b = na* *gi = w = k'-as*
 отец-ERG баран N = приводить. PF-AT N = резать-POT
 "Отец привел барана, чтобы резать".

И аварский, и цахурский языки принадлежат к одной языковой семье (нахско-дагестанской), и может возникнуть впечатление, что неразграничение финитных и нефинитных форм глагола – это ареальное явление, характерное только для рассмат-

¹ Материалы цахурского языка были собраны автором в ходе работы в составе двух лингвистических экспедиций, руководимых проф. А.Е. Кибриком, в с. Мишлеш Рутульского р-на республики Дагестан.

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК (алтайская языковая семья, монгольская группа). В бурятском языке существуют две формы, которые употребляются только в позиции сказуемого, то есть безусловно относимые к финитным. Это формы настоящего и прошедшего времен:

- Кроме того, в бурятском языке существуют разнообразные формы глагола, в описаниях именуемые причастиями (см. [Амологонов 1958; Бертагаев, Цыдендамбаев 1965; Гр. бурят. яз. 1962]), которые могут иметь как атрибутивное, так и предикативное употребление:

- 88

- (17) *Оро-жо гу?*
 приходит-CONV QU
 "Пришел ли (он)?"

Заметим для сравнения, что в монгольском языке финитное употребление деепричастий более развито: так, монгольское деепричастие с суффиксом -ж, соответствующее бурятскому соединительному деепричастию, может употребляться как сказуемое независимого предложения (пример из [Бертагаев, Цыдендамбаев 1965]):

- (18) *би гэртээ ир-ж*
 1SG домой приходит-CONV
 "Я пришел домой".

ЯЗЫК ДИЙАРИ (язык коренного населения одного из районов Южной Австралии). В данном языке существует две формы глагола (настоящего и прошедшего времени), которые безусловно могут быть признаны финитными:

- (19) *nawu kira muka durara-yi-la*
 3SG ребенок сон лежать-PRS-NI
 "Ребенок спит";

- (20) *ḡandu ḡiwa ngurara ḡinta-ya*
 она муж первый терять-PAST
 "Она потеряла своего первого мужа".

Кроме того, в языке дийари существует два вида форм, для которых первичным является употребление в функции предиката зависимого предложения: обстоятельственного (формы, аналогичные деепричастиям) и относительного (формы, аналогичные причастиям). При этом формы обоих видов употребляются в составе аналитических форм глагола. Рассмотрим второй тип форм, т.е. формы, аналогичные причастиям. Следующий пример демонстрирует обе функции данной формы в языке дийари (примеры из [Austin 1991]):

- (21) *ḡulu puka ḡayi-ḡa nawu pali-ḡa*
 3SG.A еда есть-PARN 3SG.S умирать-PART
wara-yi
 AUX-PRS
 "Поев (эту) еду, он умер (букв. Он эту еду поевший он умер)".

Употребление данной формы возможно также в функции предиката простого независимого предложения:

- (22) *paḡu-ḡa-ḡa ḡiḡa miḡa*
 копать-PART-OI 3PL.A земля
 "Они копали землю";

- (23) *maḡa ḡana wara-ḡa*
 уже 3PL.S идти-PART
 "И они пошли дальше".

Употребление одной из обстоятельственных форм в функции предиката независимого предложения также является возможным, при этом она имеет значение модальности долженствования. Следующие примеры иллюстрируют обе функции данной формы:

- (24) *miḡa yundu wayi-ḡa wara-yi ḡana*
 что 2SG.A готовить-PART AUX-PRS 3PL
kira wara-ḡanḡu-ḡa
 ребенок идти-CONV-NI
 "Что ты готовишь, когда приходят дети?"

- (25) *mayi ngañi wapa-ñañtu-la*
 итак 1SG.S идти-CONV-NI
 "Итак, я должен уходить".

ИВРИТ (семитская группа семито-хамитской семьи языков). В иврите оба причастия породы Qal, действительное и страдательное, могут употребляться в функции сказуемого простого независимого предложения: "...причастие может принимать значение спрягаемой формы (*Verbum finitum*) и иметь таким образом, в предложении значение сказуемого" [Гезениус 1874: 515]. При этом, как отмечается там же, причастия в финитном употреблении могут иметь значение любого из трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. (Примеры заимствованы из [Dobson; Sawyer 1980; Гезениус 1874].)

- (26) *ʕod tseh m'dabēr u-tseh*
 еще тот говорить. PART.ACT CONJ-тот
bā

приходить
 "Этот говорил еще и пришел другой"

- (27) *dōr holekh u-dōr*
 поколение уходить. PART.ACT CONJ-поколение
bā
 (12) приходить

"(Одно) поколение уходит, (другое) поколение приходит"

- (28) *u-ha melekh šlomo*
 CONJ-DEF царь Соломон
barukh

благословить. PART.PASS.M

"Но царь Соломон благословен (будет)"

Кроме того, сама форма Qal без суффиксов лица, числа, рода "имеет некоторым образом значение причастия" [Гезениус 1874: 157]. Данная форма также может употребляться в функции сказуемого:

- (29) *anoki met*
 1SG умирать
 "Я умираю (или: скоро умру)".

В примерах (26) и (27) мы также встречаем данную форму в финитном употреблении – *bā*, ср. данную форму в причастном употреблении:

- (30) *barukh ha bā*
 благословен. PART.PASS.M DEF приходить
b'šhem adonai
 в. имя. CONST Господь

"Благословен грядый во имя Господне".

ЯЗЫК МБУМ (группа суданских языков). В языке мбум выделяются актуализованные и неактуализованные формы глагола (глаголоиды): актуализованная форма глагола образуется от глаголоида с помощью редупликации: *nzó* → *nzónzò* "пить". В позиции предиката может употребляться только актуализованная форма (примеры заимствованы из [Hagege 1970]).

- (31) *ké láklàk hūr*
 он есть.AC суп
 "Он ест суп"

- (31a) **ké lāk hūr*

Актуализованная форма не может употребляться в позиции, отличной от позиции

предиката независимого предложения, поэтому она безусловно может считаться финитной формой. Что же касается глаголоида, то его роль в предложении – модификация значения основного глагола (в актуализованной форме), при этом он вставляется внутрь актуализованной формы. Таким способом в данном языке передаются различные обстоятельственные значения, например:

- (32a) *zí* "приходить"
kú Bàng-zí-Bàng
 3PL братъ. АС-приходить
 "Они принесли" (ср. *kú BàngBàng* "Они взяли");

- (32б) *sé* "удаляться"
nù kó-sé-kò
 1SG видеть. АС-удаляться
 "Я видел издалека" (ср. *ni kókó* "Я видел");

- (32в) *ga* "торопиться"
ké nzó-gà-nzò
 3SG пить. АС-торопиться
 "Он быстро выпил" (ср. *ke nzónzò* "Он выпил").

Тем не менее неактуализованная форма может быть актуализована другими средствами, а именно, с помощью обстоятельственных наречий, и тогда ее употребление в позиции предиката становится возможным:

- (33) *ké lál hûr lórà*
 он есть суп здесь
 "Он ест суп здесь";

- (34) *ké lál lórà*
 он есть здесь
 "Он ест здесь".

Таким образом, относительно данной формы нельзя сказать, является ли она финитной или нефинитной, так как она может функционировать и в позиции предиката независимого предложения, и в позиции, отличной от нее (как модификатор главного глагола).

В языке мбум существует еще одна форма, образующаяся, как и актуализованный глагол, от глаголоида (глагольного корня) и имеющая свойства прилагательного и имени (будем условно называть ее масдаром): *tók* → *tók-à* "быть холодным"; *nzó* → *nzó-nà* "пить".

Масдар обозначает факт совершения действия или наличия состояния и может иметь зависимое в генитиве:

- (35) *í-nà à ké gúlùk kpóngà-ké*
 убить-MASD GEN 3SG лев сильный-3SG
 "тот факт, что он убил сильного льва" (фрагмент предложения).

Масдар может являться определением к имени:

- (36) *nzùk í-nà gúlùk kpóngà-ké*
 человек убить-MASD лев сильный-3SG
 "Человек, который убил сильного льва".

Поскольку данная форма может быть определением к имени, она, как и все атрибутивные формы, легко субстантивируется:

- (37) *nzùk aí nzó-nà rà*
 человек этот пьяница-MASD PAST
 "Этот человек был пьяницей (=тем, кто пьет, пьющим)".

Масдар может являться сказуемым независимого предложения:

- (38) *sé-nà* *mû*
 уезжать-MASD ACL
 "Это – отъезд";
- (39) *támarí* *sú-nà* *mû* *hài* *ài*
 шакал.PL есть-MASD ACL мясо этот
 "Шакалы могут пожрать это мясо".

Масдар в позиции сказуемого, в отличие от актуализованной формы, не сочетается с глагольными показателями вида.

- (40) *kú* *kâ/á* *làklák* *mbài*
 3SG IPF/PF есть.AC маниок
 "Они едят (вообще)/съели маниок"
- (41) **kú* *kâ/á* *lák-à* *mbài*
 Зато данная форма сочетается с частицей прогрессива и модальными частицами:
- (42) *gûn* *kà* *hú-nà*
 ребенок PROG расти-MASD
 "Ребенок растет";
- (43) *ké* *zí* *sé-nà*
 3SG MOD уходить-MASD
 "Он собирается уходить"³.

Таким образом, в языке мбум существует одна форма, безусловно являющаяся финитной (актуализованная форма глагола), и две формы (глаголоид и масдар), которые нельзя однозначно отнести ни к финитным, ни к нефинитным формам глагола.

Наконец, невозможность провести границу между финитными и нефинитными формами глагола характеризует не только более или менее "экзотические" языки. Мы располагаем материалами двух индоевропейских языков, в которых, в отличие от большинства их "сородичей", ставших в некотором смысле эталоном разграничения финитных и нефинитных форм глагола, существуют такие формы глагола, которые нельзя однозначно отнести ни к тем, ни к другим.

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК (индоевропейская семья языков, индоарийская группа). В бенгальском языке существует три финитных формы глагола, образующихся с помощью присоединения к основе суффиксов *-(i)l* (суффикс претерита), *-(i)t* (суффикс фреквентатива), *-(i)b* (суффикс будущего времени), к которым затем присоединяются личные окончания (подробно см. [Вукова 1981]). Кроме того, в бенгальском языке существует глагольная форма (в описаниях именуемая основой глагола, см. [Быкова 1960; Вукова 1981]), которая сочетает свойства отглагольного имени, прилагательного и глагола. Глагольные свойства данной формы состоят в том, что она а) обозначает действие и б) может частично сохранять глагольное управление – так, второй актант переходного глагола в контексте данной формы может сохранять винительный падеж (примеры из [Быкова 1960; Вукова 1981]):

- (44) *iha-ke* *pawa*
 3SG-ACC получать
 "Получение этой вещи" (букв. "этого").

Что же касается свойств прилагательного, то эта же форма может употребляться атрибутивно:

³ Автор грамматики [Nagège 1970] отмечает, что у этой частицы отсутствует значение намерения, поэтому более точным будет перевод *Он вот-вот уйдет*.

- (45) *rāṅg* *krāṣa* *bhru*
краска делать бровь.PL
"подкрашенные брови".

Данная форма также обладает свойствами существительного – она может иметь зависимое в родительном падеже:

- (46) *ama-r* *aṣa*
1SG-GEN приехать
"Мой приезд".

Эта форма может функционировать и как предикат независимого предложения, при этом, как отмечается в описаниях (см. [Быкова 1960; Bykova 1981]), данные конструкции необычайно частотны:

- (47) *prokkriti-r* *jāl* *tola*
Прокрити-GEN вода.NOM набирать
"Прокрити набирает воду" (букв. "его (Прокрити) вода-набирание").

Помимо основы глагола, атрибутивное и предикативное употребление в бенгальском языке имеет отглагольное имя (масдар):

- (48) *jāl* *porbar* *bdo*
вода.NOM капать.MASD звук
"Звук капавшей воды";
- (49) *ta-r* *pore* *tatkḥnat* *apiḥ-e* *prosthan*
3SG-GEN потом немедленно офис-LOC уехать.MASD
"После этого он немедленно уехал в офис".

Одно из деепричастий в бенгальском языке также может иметь финитное употребление. Это деепричастие на *-iyā*, которое используется для образования ряда аналитических форм глагола [пример (50)], а кроме того, обозначает добавочное действие [пример (51)]:

- (50) *kār-iyā* + *achi* > *kōriachi*
делать-CONV + AUX.1SG.PRES
"(Я) делаю";
- (51) *bhij-iyā* *atyanta* *bhari* *haila*
намокнуть-CONV очень тяжелый стать
"Намокнув, (он) стал очень тяжелым".

Ср. данную деепричастную форму в финитном употреблении:

- (52) *sammukhe* *ṣivanath* *bas-iyā*
напротив Шибонатх сидеть-CONV
"Напротив сидел Шибонатх".

ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК (индоевропейская семья языков, балтийская группа). В литовском языке существует четыре финитных формы (настоящего времени, будущего времени, однократного прошедшего времени и многократного прошедшего времени – см. [Гр. литов. яз. 1985]). В литовском языке также выделяют особое – косвенное – наклонение, которое характеризуется тем, что в этом наклонении в качестве сказуемого употребляются причастия всех форм времени. Употребление косвенного наклонения "указывает на неочевидность или неполную достоверность информации" ([Гр. литов. яз. 1985: 231]). Косвенное наклонение употребляется:

а) при пересказе чужой речи:

- (53) *čia* *sako* *mīšt-ai* *buvė*
здесь говорить.PRES.3SG лес-PL быть.PAST.PART.PL
"Здесь, говорят, были леса";

б) для передачи неточно известной информации:

- (54) *užkastieji* *pinig-ai* *degā*
 закапывать.PART.PASS деньги-PL гореть.PRES.PART.PL
 "Зарытые деньги (вроде) горят";

в) для сообщения о действии, известного по результатам:

- (55) *tie* *vaik-ai* *rupkiuk-ai* *pup-ose* *buvė*
 этот.PL ребенок-PL негодник-PL боб-LOC быть.PAST.PART.PL
 "Эти негодники дети были в бобах (оставлены следы)";

г) для сообщения о непосредственно воспринимаемом действии:

- (56) *jis* *atsigrėžės* *žiūri*
 он обернуться.PART.PAST.M смотреть.PRES.3SG
stojis *velnias*
 стоять.PART.PRES.3SG черт
 "Он обернулся, смотрит – стоит черт".

Заметим, что деепричастия в литовском языке не могут употребляться независимо в функции сказуемого.

- (57a) [*moteriškė pamatė*] *vyrā* *atein-ant*
 [женщина увидела] муж.ACC идти-CONV
 "Женщина увидела, что муж идет (=увидела мужа идя)"
- (57b) **vyr-a* *atein-ant*
 муж-NOM идти-CONV1
- (58) [*rado*] *sūnū* *užgim-us*
 [нашел] сын.ACC родиться-CONV2
 "(Он) увидел, что сын родился (= нашел сына родившись)"
- (58b) **sūni-s* *užgim-us*
 сын-NOM родиться-CONV

Итак, мы показали, на материале восьми языков, что дистрибутивный критерий финитности не всегда позволяет выделить в языке непересекающиеся классы финитных и нефинитных форм. Это явление не является ареальным, так как оно свойственно языкам, представляющим различные языковые семьи, вплоть до индоевропейской семьи языков, которая как раз призвана считаться "чистым случаем" в отношении разграничения финитных и нефинитных форм глагола. Дальнейший анализ во многом будет зависеть от принятой точки зрения на проблему. На данный момент существует два основных подхода к трактовке сложных случаев финитности/нефинитности (см. [Черемисина 1979:36]): 1) финитными считаются те формы, которые употребляются только в роли сказуемого; 2) считается, что имеет место омонимия финитных и соответствующих нефинитных форм.

Но если мы принимаем первую точку зрения, то финитные формы глагола оказываются маркированным членом оппозиции, немаркированный член которой (формы, употребляющиеся финитно и нефинитно) продолжает нуждаться в определении своего статуса. Что же касается второй точки зрения, то нам кажется, что омонимия в языке обычно имеет место в результате случайного совпадения некоторых форм. Случайное же совпадение финитных и нефинитных форм глагола одновременно в значительном количестве типологически различных языков вряд ли возможно. На наш взгляд, проблема типологического разграничения финитных и нефинитных форм глагола состоит в следующем. Финитность – это некоторый признак, который задает разбиение всех глагольных форм (и в некотором смысле, всех частей речи) на два класса в зависимости от их дистрибуции: те формы, которые могут употребляться только в позиции сказуемого, вершины предложения, и те, которые (без дополнительного маркирования в форме глагола-связки) могут упот-

ребляться только в позиции, отличной от позиции вершины простого предложения. Такой чисто дистрибутивный критерий оказывается в разной степени применимым к языкам. Так, в большинстве индоевропейских языков этот критерий выделяет, как мы видели, два непересекающихся класса форм (финитных и нефинитных). В литовском языке применение этого критерия дает следующий результат: четыре временные формы являются безусловно финитными (см. [Гр. литов. яз. 1985]), к безусловно нефинитным формам относятся деепричастия [см. примеры (57)–(58)], а кроме того, существует ряд форм, не относимых ни к тому, ни к другому классу, а именно, причастия [см. примеры (53)–(56)]. Аналогично обстоит дело в аварском языке [см. (3)–(6)], а также в бенгальском [(44)–(52)] и дийари [(19)–(23)], с той лишь разницей, что в двух последних языках класс форм, употребляющихся как финитно, так и нефинитно, включает не только причастия, но и одно из деепричастий или форму, аналогичную деепричастию, как в дийари. Применительно же, например, к бурятскому языку этот критерий дает такой результат: в бурятском языке есть класс форм, употребляющихся только финитно (это две временные формы – настоящего и прошедшего времени, а также все наклонения – императив, опатив и др., см. [Гр. бурят. яз. 1960]), и класс форм, употребляющихся как финитно, так и нефинитно (причастия и два из трех деепричастий, которые могут употребляться финитно в контексте вопросительных частиц [см. (12)–(17)]). В языке мбум дистрибутивный критерий позволяет выделить одну финитную форму (это актуализованная форма глагола), но никак не помогает охарактеризовать две остальные формы [см. (31)–(43)]. Наконец, в цахурском языке он не применим вообще, поскольку, как было показано, и причастия и деепричастия могут иметь и финитное и нефинитное употребление [см. (6)–(9)]. Финитных форм глагола в чистом виде (за исключением форм наклонений) в цахурском языке практически нет.

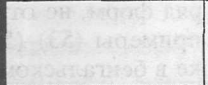
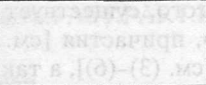
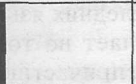
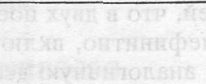
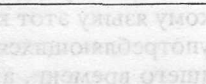
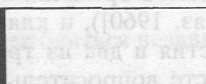
Теперь, когда мы показали, что дистрибутивный критерий финитности имеет границы применимости, можно сказать, что в отношении признака финитности, понимаемого дистрибутивно, все пространство языков располагается вдоль шкалы, в зависимости от того, как в языке проходит граница между финитными и нефинитными формами. На одном ее конце – языки типа цахурского, а на другом – индоевропейские языки. Языки типа литовского, бурятского и пр. заполняют середину шкалы, оказываясь ближе либо к одному, либо к другому концу. Наглядно это можно представить в виде таблицы⁴ (см. Табл. 1).

Линия показывает, где в данном языке проходит граница между финитными и нефинитными формами, а закрашенная часть таблицы обозначает ту область, где применение дистрибутивного критерия финитности не дает никаких результатов.

3. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФИНИТНЫХ/НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА И СТРУКТУРА ИМЕННОГО ПРЕДИКАТА

Мы постарались показать, что дистрибутивный критерий финитности в типологии имеет свои границы применимости, то есть успешность его применения предполагает отнесение того или иного языка к определенному типу. Какими еще чертами будет характеризоваться этот тип? И наоборот, какие особенности отличают те языки, в которых применение этого критерия не дает таких четких результатов? Другими словами, случайно ли появление в том или ином языке одной из стратегий (различение/неразличение финитных и нефинитных форм) или их наличие может быть объяснено через некоторый более глубокий лежащий причинный фактор? Возможно, это фактор экстралингвистический, то есть лежащий вне сферы грамматики исследуемого языка. Не исключено, однако, что он является внутриязыковым, и разграничение/неразграничение в языке финитных и нефинитных форм глагола можно объяснить через грамматическую структуру исследуемого языка. Выбор из

⁴В данной таблице отсутствует иврит: дело в том, что соотношение между финитными и нефинитными формами глагола в иврите должно стать предметом отдельной статьи.

	Причастие ⁵	Деепричастие	Финитный гл-л
Индо-евр. стандарт	Нефинитные формы		
Литовский, аварский			
Бенгальский			
Бурятский			
Мбум			
Цахурский			

двух альтернативных решений зависит от ответа на следующий вопрос: возможно ли найти некоторую отличительную грамматическую характеристику (или ряд характеристик), на основании которых мы можем разделить языки из выборки так, чтобы это деление соответствовало делению на языки, которые разграничивают финитные/нефинитные формы глагола, и языки, в которых это разграничение отсутствует. Если ответ на этот вопрос оказывается отрицательным, т.е. мы не можем найти соответствия разграничению/неразграничению финитных и нефинитных форм в виде другого типологического параметра, проблема не стоит дальнейшего исследования. Если же ответ на этот вопрос будет положительным, это значит, что мы выделили тот самый определяющий фактор в нашей типологии разграничения/неразграничения финитных и нефинитных форм глагола, который помогает предсказать существование одной из стратегий в некотором языке (разграничение/неразграничение финитных и нефинитных форм глагола).

Какой области грамматики может принадлежать этот типологический параметр, значение которого поможет нам предсказать, имеет ли в данном языке место разграничение финитных и нефинитных форм глагола? Существуют определенные основания предполагать, что этим параметром должна стать структура именного сказуемого (существительного и прилагательного⁶ в позиции сказуемого) в исследуемом языке. Во-первых, раз в некотором языке в позиции сказуемого без глагола-связки появляется некоторая форма, которую мы бы отнесли к "нефинитным" на основании наличия у нее свойств имени (существительного и прилагательного), можно предположить, что и отличные от глагола части речи (существительное и прилагательное) также могут самостоятельно, без глагола-связки, выступать в позиции сказуемого. Во-вторых, имеются результаты анализа предложений с именным

⁵В таблице мы для краткости называем причастием как собственно причастные формы, так и формы, имеющие свойства масдаров и причастий (как, например, в бенгальском).

⁶Речь идет о тех языках, в которых прилагательные демонстрируют "именное" поведение, т.е. признаковые значения не выражаются глаголами (об именном и глагольном поведении прилагательных см. [Wetzer 1996]). Так, например, в исследованном нами языке мбум признаковые значения почти исключительно выражаются глаголами (типа "быть высоким", "быть холодным"). Такие конструкции мы не относим к сфере именной предикации.

сказуемым в [Hengeveld 1992], которые также показывают, что между аналитическими формами глагола (одна из основных сфер функционирования нефинитных глагольных форм) и структурой именного сказуемого в некотором языке существует определенная связь, т.е. знания о структуре именного предиката позволяют нам предсказывать структуру аналитических форм глагола. Например, если в языке возможны конструкции с предикативным прилагательным типа англ. *He is mean* "Он жадный", то в языке есть аналитические формы глагола, устроенные по типу "приписывание признака". Например, в английском языке так устроена форма *He is sleeping* "Он спит". Подобная корреляция позволяет предполагать, что если наряду с аналитическими формами глагола (состоящими обычно из нефинитной формы глагола в сочетании с глаголом-связкой) в языке существует конструкция с предикативным причастием или деепричастием без глагола-связки, то естественно искать параллели таким конструкциям в области предложений с именным сказуемым.

В самом деле, во всех языках, которые мы рассмотрели в разделе 2 и которые лежат вне применимости дистрибутивного критерия финитности, структура именного предиката радикально отличается от индоевропейского стандарта, где имя является семантическим предикатом, т.е. той новой информацией, которая сообщается в предложении, а глагол-связка – грамматическим маркером, передающим значения времени, модальности и лица. Во всех восьми языках, проанализированным нами, имя (существительное и прилагательное) может быть предикатом, не прибегая к помощи глагола-связки⁷.

Обратимся к конкретным примерам.

1. В ряде рассмотренных нами языков появление глагола-связки при имени в позиции предиката не является обязательным: именное сказуемое может употребляться как со связкой, так и без связки. Этим поведение глагола-связки в таких языках отличается, например, от русского, где его отсутствие при именном сказуемом в настоящем времени обязательно, и нулевая связка в настоящем времени, таким образом, оказывается элементом парадигмы глагола *быть*. Отсутствие связки при именном сказуемом имеет место в следующих языках:

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

- (59) *gbe*=б *ɟlakʰ* б=*uɣaɣ*=б жо
это=N очень N=простой=N вещь
"Это очень просто" (букв. "Это очень простая вещь");

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- (60) *ā mā - r* *śudha* *baɾa* *suʃi la* *meye*
я-GEN Шудха очень хороший девушка
"Моя Шудха – очень хорошая девушка";

ЯЗЫК ДИЙАРИ

- (61) *ngaŋi* *pulukaɣiɣa*
1SG пастух
"Я – пастух";
- (62) *ngani* *mankada* *ŋiŋa* *pani*
3SG девочка стыд никакой, отсутствующий
"Эта девочка – бесстыжая" (букв. "Эта девочка – стыд отсутствующий").

⁷Мы имеем в виду стандартную, грамматическую стратегию оформления именного предиката в языке, а не маргинальные стратегии. Дело в том, что в индоевропейских языках также существовали бессвязочные предложения (лат. *Omnia praeclara rara*), но, как показано в [Ries 1931], эти конструкции являются маргинальными для большинства индоевропейских языков и большей частью используются как художественный прием.

В языке дийари связка при именном сказуемом появляется, когда признак оказывается актуальным в некоторый момент времени.

К: из дому ушел младший брат. Один из его старших братьев говорит другому:

- (63) *manda malangti ngana-yi*
желудок плохой AUX-PRES

"У меня не в порядке желудок" (букв. "Мой желудок плохой есть"). Данное высказывание представляет собой идиому, которая означает, что старший брат чувствует, что с младшим что-то случилось, поэтому он характеризует состояние своего желудка в данный момент, а не вообще.

ИВРИТ

- (64) *ani hokma*
1SG мудрость
"Я – мудрость".

В иврите именной предикат, как и предикат-глагол, может стоять на первом месте в предложении:

- (65) *ʔamor l'-hokma ahot-ī ʔat*
говорить. IMP LOC-мудрость сестра. CONST-1SG 2SG.F
«Скажи Мудрости: "Ты – моя сестра"».

ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК. В литовском языке существительное и прилагательное может быть сказуемым как в сопровождении глагола-связки, так и без него:

- (66) *ąžuolas (yrà) mēdis*
дуб (быть. PRES.3SG) дерево
"Дуб (есть) дерево";
- (67) *pāts (esi) kalt – as*
сам (быть. PRES.2SG) виноватый-М
"Сам виноват".

Без связки "обычно употребляются словосочетания, выражающие постоянные свойства предметов, не связанные с определенным временем" [Гр. литов. яз. 1985: 538]:

- (68) *genys marg-as, žmog-aus gyrenimas dar marg-esnis*
дятел пестрый-М человек-GEN жизнь еще пестрый-COMP
"Дятел пестрый, жизнь человека еще пестрее".

В некоторых описаниях (см. [Быкова 1965; Гр. литов. яз. 1985; Austin 1984]) отмечается, что связка преимущественно опускается в настоящем времени. Может возникнуть впечатление, что мы имеем два, альтернативных, способа оформления именного предиката в настоящем времени. Но нам представляется, что в этих языках альтернативные способы оформления именного предиката выглядят следующим образом:

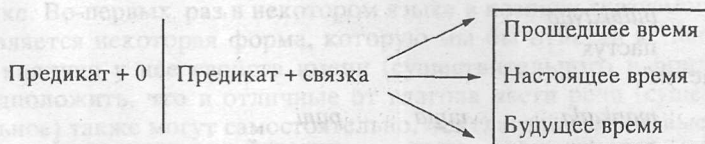

Схема 2

Такая интерпретация кажется нам предпочтительной потому, что именной предикат сам по себе передает некоторую идею времени в силу своего положения на шкале временной стабильности [Givón 1984], обозначая признаки, максимально стабильные во времени. Когда именной предикат употребляется в соответствии со своим прототипическим временным значением, т.е. обозначает признак, не связанный с опреде-

ленным временем (как бы вне времени), глагол-связка не требуется. Если же признак, обозначаемый именным предикатом, подчеркнuto релевантен в некоторый момент времени, используется глагол-связка, задающий точную временную локализацию данного признака [см. пример (63)].

1.1. В некоторых из рассмотренных нами языков нормальным является также появление предложений без связки в контексте прошедшего времени. Интерпретация таких предложений как относящихся к плану прошедшего происходит благодаря контексту или некоторым наречиям⁸.

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- (69) *ākāś nival o nirmal*
небо ясное CONJ чистое

"Небо (было) ясное и чистое" (Как указывает Е.М. Быкова [Быкова 1965], данный пример взят автором из контекста прошедшего времени, поэтому мы сочли нужным отразить это в переводе.)

- (70) *kuber takhan choṭa*
Кубер тогда маленький

"Кубер тогда был маленьким" (Здесь отнесение высказывания к плану прошедшего происходит исключительно благодаря наречию *takhan* – 'тогда'.)

ИВРИТ. В иврите, подобно тому как это происходит в бенгальском языке, время при предикате-прилагательном может не выражаться:

- (71) *ha iṣ moše gadol m'od*
DEF человек Моисей великий очень
"Человек Моисей (был) очень велик".

1.2. В ряде языков нашей выборки в частных вопросах к предложениям с именным сказуемым (в таких предложениях предикатом обычно является вопросительное слово *кто? что?*, а также *какой?*) связка отсутствует. Такая стратегия образования частных вопросов к именному сказуемому радикально отличается от стратегии, представленной в большинстве индоевропейских языков, где глагол-связка сохраняется и в частных вопросах, например, в английском: *Who is that guy in a dressing gown?* "Кто этот парень в халате?".

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

- (72) *гъани=в в=узе=в чи ици=в?*
там=М М=быть=PART.M человек кто=М
"Кто этот человек вон там?" (букв. "Там находящийся человек кто?")

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- (73) *ihar moto prthibite bir ke?*
3SG как поэт еще кто
"Кто из поэтов сравнится с ним?" (букв. "Поэт, как он, еще кто?")

ЯЗЫК ДИЙАРИ

- (74) *miṇa ḍana ḍudu piṭa maṇi*
что 3PL огонь зола черный
"Что это за черная зола?"

- (75) *miṇa yini?*
что 2PL
"Кто вы?"

⁸Пожожее явление существует и в русском языке: *1967 год, тридцать лет назад. Мы молоды, веселы, красивы и полны сил...* Но и в данном случае это скорее художественный прием (историческое настоящее), чем стандартная грамматическая конструкция.

ИВРИТ

- (76) *māh* *š'tī*
Что имя. CONSTR. 3. М
"Как его зовут?" (букв. "Что (есть) его имя?")
- (77) *māh* *ani*
Что я
"Кто я (такой)?"

2. О том, что в языке имя может являться предикатом самостоятельно, говорит и тот факт, что некоторая категория одинаково выражается независимо от того, является ли предикат именем или глаголом.

ЯЗЫК МБУМ. Тот факт, что имя является предикатом, подтверждается тем, что прошедшее время и глагольного, и именного предиката выражается одинаково.

Сказуемое-глагол:

- (78) *gūn* *nzíkí* *nzónzò* *râ*
ребенок маленький пить PAST
"Маленький ребенок попил"

Сказуемое-имя:

- (79) *nzùk* *âí* *nzónà* *râ*
человек этот пьяница PAST
"Этот человек был пьяницей"

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК. Предикат в бенгальском языке не имеет согласования по числу: личные показатели глагола не различаются в зависимости от числа, а именной предикат всегда имеет форму единственного числа.

Глагол:

- (80a) *ami* [*cole giye*]-*chi*
1SG [уходить]-AUX. PRES. 1
"Я ушел"
- (80b) *āmā* [*cole giye*]-*chi*
1-PL [уходить]-AUX. PRES. 1
"Мы ушли"

(Образование форм глагола в бенгальском демонстрирует пример (50)).

Существительное:

- (81) *tāhārā* *kisakale* *santān*
3-PL все брат. SG
"Они все – братья"
- (82) *āmā* *vāngāli*
1PL бенгалец. SG
"Мы – бенгальцы"

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК. В бурятском языке имя в позиции предиката присоединяет те же лично-предикативные частицы, что и глагол:

- (83) *би* *тракторист-би*
1SG тракторист-1SG
"Я – тракторист";
- (84) [*фермэ даагша*] *би-б*
[заведующий фермой] 1SG-1SG
"Заведующий фермой – я".

Ср.:

- (85) би смотрители-е ерүүл-хүү-б
1SG смотритель-ACC звать-HORT-1SG
"Давай я позову смотрителя"

А также:

- (86) яба-хай-б
пойти-OPT-1SG
"Хорошо бы мне пойти"

Кроме того, именной предикат, как и глагольный, непосредственно сочетается с рядом модальных частиц:

- (87) Зай, иш-мни, дуу-гаа дуул-у-и даа
Ну дорогой-POSS. 1SG песня-REFL. 2SG петь-SUBJ-2SG MOD
"Ну, спел бы ты, дорогой мой, свою песню";
- (88) баабай-мни адуушан, эжым-ни хонишон юм
отец-1SG. POSS коневод мать-1SG. POSS чабан MOD
"Отец мой – коневод, мать моя – чабан" (частица юм находится в одной парадигме с частицей даа, оформляющей глагольный предикат в предыдущем примере – см. [Гр. бурят. яз. 1962]).

ЦАХУРСКИЙ ЯЗЫК. В цахурском языке имя может быть предикатом. Так, именной предикат, как и глагольный, присоединяет фокусный маркер *wo* = CL и эпистемические маркеры *-nī* / *-jī* (о семантике данных маркеров см. [Майсак, Татевосов 1998]) (Примеры из [Калинина (в печати)]).

- (89) *temraz siXnari wo = r*
Темраз вор COP = M
"Темраз – вор"

- (90) *ma-na šoban-jī*
этот-AT чабан-EPIST1
"Он – чабан"

- (91) *maʔaram zurnaši-nī*
Магаррам зурнист-EPIST2
"Магаррам был зурнистом"

Ср.:

- (92) *temraz-ē balkan qol = p = q-u wo = b/*
Темраз-ERG лошадь. N. 3 N. 3 = красть-PF COP = N. 3/
qol = p = q-u-nī (jī)
N. 3 = красть-PF-EPIST1 (EPIST2)
"Темраз украл лошадь"

3. О том, что имя само является предикатом, говорит и такой факт: когда некоторая категория выражается синтетически в глагольной морфологии, то для выражения этой категории при предикате-имени используется не глагольная форма, выражающая эту категорию, а специальный показатель.

АВАРСКИЙ ЯЗЫК. В отрицательных предложениях с именным предикатом используется чаще не отрицательная форма от глагола *буклине* "быть" – *гъечло*, а отрицательная частица:

- (93) [маулхIаят Iада = в] вас ургъун-го чIва-ра = в
[единственный = M] сын злодейски-ADV убить-PAST = PART. M
бидул тушман-ас-да [mlаса лъугъ-ине] б = игъая = б жо гуро
кровный враг-OBL-LOC [простить-INF] N = простой = N вещь NEG

	Связка отсутствует в настоящем времени	Связка отсутствует в прошедшем времени	Связка отсутствует в вопросительном предложении	Некоторая категория выражается одинаково на именном и глагольном предикате	Для выражения некоторой категории используется специальный показатель
АВАРСК. ЯЗ.	59		72		93
БЕНГАЛ. ЯЗ.	60	69–70	73	80–82	
БУРЯТСК. ЯЗ.				83–88	
ЯЗ. ДИЙАРИ	61–62		74–75		
ИВРИТ	64–65	71	76–77		
ЛИТОВСК. ЯЗ.	66–68				
ЯЗ. МБУМ				78–79	94–95
ЦАХУРСК. ЯЗ.				89–92	

"Простить кровного врага, злодейски убившего единственного сына, не просто" (букв. "простая вещь нет").

ЯЗЫК МБУМ. Напомним, что глагол в позиции предиката выступает в так называемой актуализованной форме (см. раздел. 2). Когда предикатом является имя, приименным актуализатором является частица *mî*⁹:

- (94) *gûn mî*
ребенок ACL
"Это – ребенок";

- (95) *gûlûk fesi' króngà -ké mî*
лев животное сильный-3.SG ACL
"Лев – сильное животное".

Итак, мы рассмотрели ряд фактов, которые говорят о том, что во всех рассмотренных восьми языках имя может быть предикатом без помощи глагола-связки. В целях более компактного представления материала мы предлагаем таблицу, которая призвана наглядно показать, данные какого языка иллюстрируют то или иное явление. По вертикали мы расположили список языков, по горизонтали – перечень рассмотренных выше явлений, подтверждающих тот факт, что имя в позиции предиката в этих языках не требует с необходимостью появления глагола-связки. В клетках таблицы – номера примеров, иллюстрирующих то или иное явление.

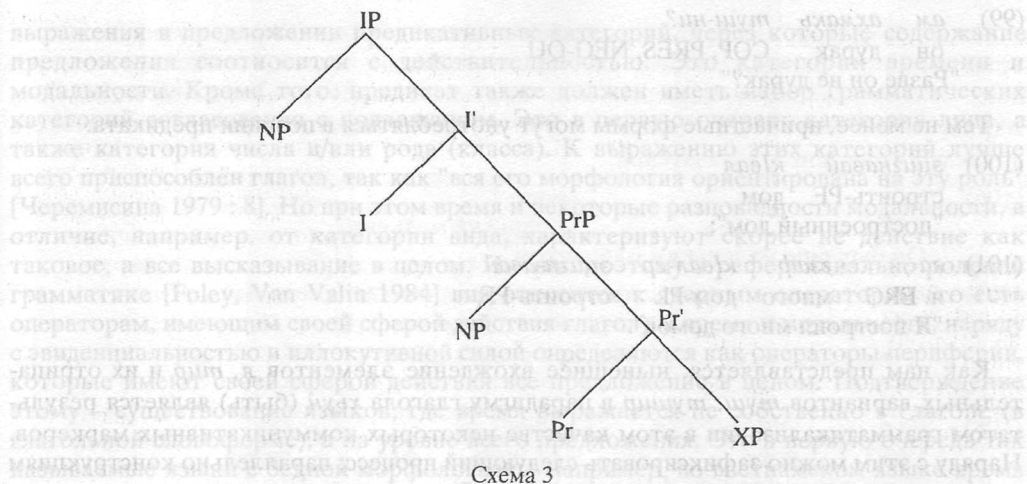
Необходимо отметить, что анализ конструкций с "самостоятельным" именным предикатом обсуждается в порождающей грамматике. Так, в работе [Bowers 1993 : 594–595] предлагается схема, в которой отсутствует узел VP:

$X = \{V, \text{Adj}, N\}$

В данной схеме вместо узла VP появляется узел XP, который содержит предикат (глагол, прилагательное, существительное). Его вершина – узел Pr, предикация (predication). Данная функциональная категория (Pr) определяется как "в высшей степени абстрактная категория, лишь косвенно реализуемая в какой-либо фонетической форме в поверхностных фонетических структурах английского языка" [Там же: 647]. Введение такой категории позволяет автору не только выдвинуть более строгую теорию правил передвижения, но и анализировать языки типа сингалезского, в котором, согласно автору, возможно $X = \{N, \text{Adj}, P^{10}\}$, как и в тех восьми языках, которые стали предметом нашего анализа.

⁹ Очевидно, что это частица, а не глагол-связка, так как от нее не образуются актуализованные формы.

¹⁰ P – предложная группа (prepositional phrase).

Итак, в начале настоящего раздела был поставлен следующий вопрос: существует ли такой типологический параметр, значение которого для некоторого языка позволяло бы предсказать факт наличия или отсутствия разграничения финитных и нефинитных форм глагола в некотором языке. В качестве данного параметра мы предлагаем структуру именного предиката: если в некотором языке имя может быть предикатом самостоятельно, не прибегая к "услугам" глагола-связки [как это происходит, рассматривается выше – см. примеры (59)–(95)], то в языке существует по крайней мере один класс форм, относительно которых дистрибутивный критерий финитности не принимает ни положительного, ни отрицательного значения.

Этот параметр представляется необходимым (а не только достаточным) для предсказания того, имеет ли в языке место разграничение финитных и нефинитных форм глагола. Если имя в позиции сказуемого всегда требует глагола-связки, то в языке имеет место разграничение финитных и нефинитных форм глагола. Такого рода отрицательный материал, помимо индоевропейских языков, продемонстрировали некоторые африканские языки: биром (группа языков бенуэ-конго, нагорные языки Северной Нигерии, см. [Bouquiaux 1970]), море (язык группы гур нигеро-конголезской семьи, см. [Capp 1973]), а также язык голин (один из языков коренного населения Папуа Новой Гвинеи, см. [Bunn 1974]).

Однако нам также удалось обнаружить контрпример: в лезгинском языке имя не может быть предикатом само, без связки (примеры получены автором в процессе работы с информантами):

- (96) *къел хъсан затI я*
 соль хороший вещь COP. PRES
 "Соль – хорошая вещь";

- (97) *ам ахмакъ тир*
 он дурак COP. PAST
 "Он был дураком".

Вопросительная частица также не может присоединяться непосредственно к имени, она присоединяется только к связке:

- (98) *ам ахмакъ я-ни?*
 он дурак COP. PRES-QU
 "Он – дурак?";

- (99) ам ахмакъ туш-ни?
он дурак COP. PRES. NEG-QU
"Разве он не дурак?"

Тем не менее, причастные формы могут употребляться в позиции предиката:

- (100) эцигнавай квал
строить-PF дом
"построенный дом";
- (101) за гзаф квал-ер эцигн-авай
я. ERG много дом-PL строить-PF
"Я построил много домов".

Как нам представляется, нынешнее вхождение элементов *я*, *тир* и их отрицательных вариантов *туш*, *тушир* в парадигму глагола *хун* (быть) является результатом грамматикализации в этом качестве некоторых коммуникативных маркеров. Наряду с этим можно зафиксировать следующий процесс: параллельно конструкциям с предикативным причастием начинает употребляться такая конструкция:

- (102) за гзаф квал-ер эцигн-авай-ди тир
я. ERG много дом-PL строить-PF-SUBST. SG COP. PAST
"Я построил много домов".

В этой конструкции причастие в предикативной позиции получает показатель субстантивации и начинает зависеть от глагола-связки. Примечательно, что показатель субстантивации имеет форму единственного числа (показатель субстантивации множественного числа *-бур*). Это говорит о том, что субстантивируется и начинает зависеть от связки все предложение в целом. Таким образом, можно утверждать, что в лезгинском языке идет процесс грамматикализации противопоставления финитных и нефинитных форм глагола.

Однако данный параметр (структура именного предиката) не позволяет нам предсказать, какие именно формы будут сочетать финитное и нефинитное употребление (только причастия, причастия и деепричастия, масдары и др.). Конечно, это должно иметь свои соответствия в языковой структуре, но чтобы выяснить, какие именно, предстоит предпринять отдельное исследование.

4. ФИНИТНОСТЬ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ

В предыдущем разделе было сделано утверждение о связи между структурой именного предиката в некотором языке и наличием в этом языке разграничения финитных и нефинитных форм глагола: если в некотором языке имя в позиции сказуемого не требует глагола-связки, то в этом языке существуют формы, которые нельзя однозначно классифицировать как финитные или нефинитные. Можно предположить, что связь этих двух параметров является результатом действия некоторого третьего фактора. В настоящем разделе будет предпринята попытка объяснения установленной корреляции.

Итак, если в языке присутствие глагола-связки при именном сказуемом не является необходимым, в этом языке финитные и нефинитные формы противопоставлены не так четко: в таком языке существуют формы, которые допускают как нефинитное (в составе аналитических форм глагола или в качестве вершины зависимого предложения), так и финитное (в качестве сказуемого независимого предложения) употребление. Объяснение этой корреляции можно попытаться дать в виде ответа на следующий вопрос: что позволяет языку обходиться без глагола-связки в обоих случаях? Чтобы ответить на данный вопрос, вспомним, что представление о финитном глаголе как конституирующем элементе простого предложения связано с необходимостью

выражения в предложении предикативных категорий, через которые содержание предложения соотносится с действительностью. Это категории времени и модальности. Кроме того, предикат также должен иметь набор грамматических категорий согласования с подлежащим. Это в первую очередь категория лица, а также категория числа и/или рода (класса). К выражению этих категорий лучше всего приспособлен глагол, так как "вся его морфология ориентирована на эту роль" [Черемисина 1979 : 8]. Но при этом время и некоторые разновидности модальности, в отличие, например, от категории вида, характеризуют скорее не действие как таковое, а все высказывание в целом. Именно поэтому в референциально ролевой грамматике [Foley, Van Valin 1984] вид относится к ядерным операторам (то есть операторам, имеющим своей сферой действия глагол), а время и модальность, наряду с эвиденциальностью и иллокутивной силой определяются как операторы периферии, которые имеют своей сферой действия все предложение в целом. Подтверждение этому – существование языков, где время выражается не собственно в глаголе (в глагольной словоформе), а на уровне всего предложения. Это в первую очередь так называемые языки с бедной морфологией – например, во вьетнамском языке время выражается исключительно с помощью наречий ("вчера", "давно", "скоро", "сегодня" и других) и обстоятельств времени. Сравним следующие примеры на материале вьетнамского языка (примеры из [Быстров и др. 1975]):

(103a) *năm nay ánh ấy đã* [tốt nghiệp đại học]
 год этот CLASS он RES [закончить институт]
 "В этом году он закончил институт";

(103b) *năm sau ánh ấy đã* [tốt nghiệp đại học]
 год будущий CLASS он RES [закончить институт]
 "В следующем году он закончит институт".

Эти два предложения относятся к разным временным планам (первое – к плану прошедшего, второе – к плану будущего), при этом они отличаются только обстоятельствами времени. Таким образом, существуют средства выражения предикативных категорий "в обход" глагольной морфологии. Это и лексические средства, как в приведенных выше примерах, и контекст [см. примеры (69)–(71)]. Существует, однако, и другой способ – синтаксический: в работе [Broschart 1997], посвященной языку тонга, делается утверждение о необходимости различения морфологического и синтаксического уровня анализа. Индоевропейские языки противопоставляют глаголы существительным на морфологическом уровне: существительные имеют падежную словоизменительную парадигму, глаголы – временную и личную. В языке тонга, относящемся к изолирующим языкам, существительные и глаголы не различаются в том смысле, в каком их различают индоевропейские языки, т.е. в морфологическом: выражение грамматических категорий осуществляется с помощью синтаксических средств – артиклей и падежных показателей ("именных" категорий), с одной стороны, и показателей вида, времени и модальности ("глагольных" категорий), с другой. Так, в примере (104) существительное появляется в контексте артикля, а в примере (105) глагольная лексема употреблена в сочетании с показателем прошедшего времени:

(104) *ko e ta'ahine*
 PC ART девочка
 "Это была девочка";

(105) *na'e kei lele*
 PAST еще бегать
 "Он (все) еще бежал".

Слова "именной" и "глагольный" взяты нами в кавычки из-за их условности применительно к языку тонга: в этом языке именные лексемы (такие, как *сестра*, *дом*, *свинья*) свободно появляются в контексте видо-временных и модальных маркеров¹¹, а глагольные лексемы (*чувствовать*, *бегать*, *давать*) – в контексте артиклей и падежных показателей.

(106) *na'e kei tamasi'i*
 PAST еще маленький мальчик
 Он был еще маленьким мальчиком".

(107) *ko e 'alu 'a sione ki kolo*
 PC ART идти GEN Сионе ALL город
 "Сионе идет в город" (на глазах у говорящего)

Ср.
 (108) *na'e 'alu 'a sione ki kolo*
 PAST идти ABS Сионе ALL город
 "Сионе шел в город".

Можно было бы утверждать, что в языке тонга "именной" синтаксис противопоставлен "глагольному", но, как считает Брошарт [Broschart 1997], термины "именной" и "глагольный" теряют смысл применительно к языку, где нет ни морфологических имен, ни морфологических глаголов. Соглашаясь с ним, мы бы предложили, тем не менее, различать "актантный" и "предикативный" синтаксис, так как противопоставление предикатов и их актантов должно быть типологически более универсальным.

Таким образом, типологически широко представлены альтернативы выражению предикативных категорий средствами глагольной морфологии: предикативные категории могут выражаться с помощью лексических и синтаксических средств. Именно в этом нам видится тот самый фактор, который объединяет отсутствие разграничения финитных и нефинитных форм глагола, с одной стороны, и отсутствие глагола-связки при именном сказуемом, с другой: во всех языках нашей выборки широко используются альтернативные способы выражения предикативных категорий, лишая глагольную морфологию свойственной ей "монополии". Рассмотрим сначала использование лексических средств выражения предикативных категорий при сказуемом-существительном.

а) как мы указывали в разделе 3, существительное в позиции сказуемого в силу своего положения на шкале временной стабильности уже передает некоторую идею времени, а точнее, вневременности – существительные обозначают объекты, максимально стабильные во времени. Поэтому существительное без связи в позиции сказуемого используется для сообщения о тех свойствах объекта, для которых временная локализация нерелевантна, тогда как использование связки сигнализирует о релевантности признака, обозначаемого существительным, в некоторый момент времени [см., например, (61) и (62)];

б) как видно из примеров (69) (бенгальский язык) и (71) (иврит), временная отнесенность высказывания может быть ясна из контекста;

в) использование наречий (и вообще обстоятельств времени) для выражения времени встречается не только в изолирующих языках (см. пример (103) из вьетнамского языка). Бенгальский язык, не относящийся к изолирующим, также использует данный способ [см. (70)].

С другой стороны, в языках нашей выборки широко представлена и другая альтернатива, а именно, выражение некоторой категории не на морфологическом уровне, а на синтаксическом, подобно тому, как это происходит в языке тонга¹²:

¹¹ Соответственно, в языке тонга не различаются финитные и нефинитные формы глагола – см. [Broschart 1997].

¹² В работе [Сумбатова 1994] категории, выражающиеся на синтаксическом уровне, называются синтактико-грамматическими категориями.

а) в бурятском языке показатели личного согласования присоединяются к сказуемому независимо от его частеречной принадлежности¹³, [см. (83)–(88)];

б) аналогичным образом, в цахурском языке именной предикат оформляется теми же показателями (фокуса и эпистемического статуса), что и сказуемое-глагол [см. (89)–(92)];

в) в бенгальском языке ни именной, ни глагольный предикат не согласуются с подлежащим по числу. Это говорит о том, что в данном языке категория числа на синтаксическом уровне предиката не выражается [см. (80–82)];

г) случай, когда некоторая категория выражается средствами глагольной морфологии в глаголе-сказуемом и специальными частицами при именном предикате, на наш взгляд, также является примером выражения категорий на уровне синтаксической составляющей – сказуемого [см. (93)–(95)].

Заметим, что выражение грамматических категорий на уровне синтаксических составляющих не сводится к предикативному синтаксису, а возможно также и на уровне именной группы. Например, в бурятском языке число в именной группе может выражаться либо на вершине, либо на зависимом (пример из [Бертагаев, Цыдендамбаев 1965]):

(109a) *goḡ* *нааданхай-нууд*
красивые игрушки-PL

(109б) *goḡ-нууд* *нааданхай*
красивые-PL игрушки
"красивые игрушки".

В языке дийари в именной группе зависимое следует за вершиной, при этом падеж всей ИГ выражается на последнем элементе, то есть на зависимом (пример из [Austin 1981]):

(110) *ḡana* *ngata-ṇa* *wapa-yi* *niḡa* *tiya-ḡi*
3PL сидеть-PART AUX-PRES место сухой-LOC
"Они жили в сухом месте".

Итак, суммируя предыдущее изложение, мы можем сказать, что способ выражения предикативных категорий представляется нам тем самым фактором, который управляет наличием/отсутствием в языке разграничения финитных и нефинитных форм глагола (как форм, способных и неспособных выражать предикативные категории соответственно), с одной стороны, и возможностью/невозможностью появления в позиции сказуемого существительного, не сопровождаемого глаголом-связкой, с другой. В самом деле, если в языке глагольная морфология – это единственный способ выражения предикативных категорий, то в этом языке ожидается разграничение финитных и нефинитных форм глагола, а также невозможность именного сказуемого без глагола-связки. Если же язык широко использует альтернативные средства выражения предикативных категорий (лексические и синтаксические), вполне естественным представляется тот факт, что в этом языке именное сказуемое не требует обязательного присутствия глагола-связки, а также отсутствует разграничение финитных и нефинитных глагольных форм. Таким образом, предикативность, т.е. связь предложения с действительностью, может выражаться в предложении независимо от финитного глагола. Такой точке зрения вполне соответствует определение предложения, данное в [Foley, Olson 1985: 57]: простое предложение (clause) – это грамматическая структура, имеющая только одну периферию. Тем самым простое предложение определяется в зависимости от выраженности в нем

¹³ "Если русские грамматические морфемы тесно связаны со словом как представителем части речи..., то алтайские грамматические аффиксы гораздо синтаксичнее, – они в большей степени соотносены с членами предложения... Поэтому они достаточно свободно присоединяются к словам разных частей речи, если они выступают в соответствующей синтаксической роли"... [Черемисина 1979: 42].

операторов периферии (иллокутивной силы, эвиденциальности, времени и модальности), но не утверждается, что они должны быть обязательно выражены через *Verbum Finitum*. Определение в [Foley, Olson 1985], не противореча традиционным определениям предложения, не ставит знак равенства между выражением предикативных категорий и финитной формой глагола.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разграничение финитных и нефинитных форм глагола, основанное на дистрибутивном критерии (возможность/невозможность для данной формы возглавлять независимое предложение), так прочно утвердившееся в традиции описания индоевропейских языков, не может претендовать на универсальность с точки зрения типологии. Существуют языки, которые лежат вне сферы применимости данного критерия. В настоящей работе приведен материал восьми таких языков: в них существуют формы глагола, которые могут употребляться одновременно и как финитные (в позиции сказуемого), и как нефинитные (в составе аналитических форм глагола и/или в позиции вершины зависимого предложения – обстоятельственного, относительного и т.д.). Представляется, что множество языков образует шкалу, на одном конце которой находятся языки с четким разграничением финитных и нефинитных форм, а на другом – языки, в которых это разграничение отсутствует вообще.

В настоящей работе также предлагается типологический параметр, значение которого позволяет предсказывать наличие или отсутствие разграничения финитных и нефинитных форм глагола в некотором языке. Таким параметром оказывается структура именного предиката: если язык позволяет существительному в позиции сказуемого обходиться без глагола-связки, можно утверждать, что в этом языке существует форма (или класс форм) глагола, которую нельзя однозначно классифицировать как финитную или нефинитную. В качестве фактора, объясняющего связь данных параметров, выступает способ выражения предикативных категорий: если в языке единственным способом их выражения является глагольная морфология, то именно финитный глагол будет конституирующим элементом независимого предложения. Если же язык позволяет выражение предикативных категорий альтернативными средствами (лексическими и синтаксическими), то необходимость глагола-связки при именном сказуемом отпадает, равно как и необходимость противопоставлять формы, выражающие предикативные категории (финитные) и невыражающие (нефинитные).

В заключение нам хотелось бы сделать ряд замечаний относительно направления дальнейшего исследования. Не говоря уже о том, что первоочередной задачей будет расширение типологической выборки языков, необходимо будет ответить на следующие вопросы. Во-первых, что позволяет формам, употребляющимся как финитно, так и нефинитно, совмещать эти две функции – их морфология или семантика? Чем такие формы отличаются от форм, употребляющихся только финитно (если таковые в языке имеются)? Во-вторых, выбор в позиции сказуемого глагольной формы, принадлежащей к одному из двух классов (класс форм, имеющих только финитное употребление и класс форм, совмещающих финитное и нефинитное употребление), скорее всего является способом выражения некоторой грамматической категории (или оператора в терминологии [Foley, Van Valin 1984]), подобно тому, как противопоставление в позиции сказуемого форм императива/неимператива реализует одно из значений категории наклонения в русском языке. Кстати, напомним, что в литовском языке, как было сказано выше [см. (53)–(56)], причастие в позиции сказуемого служит средством выражения так называемого косвенного наклонения, которое указывает на "неочевидность или неполную достоверность информации" [Гр. литов. яз. 1985: 231]. И наконец, следует задаться вопросом о роли связки в тех языках, где она не является простым показателем финитности. Обращает

на себя внимание широко представленное в различных языках употребление связки в качестве маркера фокуса и/или ремы (см. об этом [Субматова 1994; Казенин (в печати)]).

Ответы на эти вопросы, безусловно, призваны решить проблему разграничения финитных и нефинитных форм глагола в типологическом аспекте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 – первое лицо	INF – инфинитив
2 – второе лицо	IPF – несовершенный вид
3 – третье лицо	LOC – локатив
A – агенс (семантическая роль)	M – мужской род (класс)
AC – актуализованная форма	MASD – масдар
ACC – аккузатив	MOD – модальность
ACL – актуализатор	N – средний род (класс)
ACT – активный (залог)	N.3 – существительные среднего рода, 3 класса
ADV – наречие	N.4 – существительные среднего рода, 4 класса
AOR – аорист	NEG – отрицание
AT – атрибутив	NI – новая информация
AUX – вспомогательный глагол	NPL – множественное число неодушевленных существительных
CL – показатель классного согласования	O – объект действия (семантическая роль)
CLASS – классификатор	OBL – косвенная основа
COMP – показатель сравнительной степени	OI – старая информация
COMPL – показатель подчинения (комплементайзер)	OPT – оптатив
CONJ – союз	PART – причастие
CONST – конструктус	PASS – пассивный (залог)
CONV – деепричастие	PAST – прошедшее время
COP – связка (копула)	PF – совершенный вид
DAT – латив	PL – множественное число
DEF – определенный артикль	POT – потенциалис
EMPH – эмфаза	POSS – притяжательность
EPIST – показатель эпистемического статуса	PRES – настоящее время
ERG – эргатив	PROG – прогрессив
F – женский род (класс)	QU – показатель вопроса
FOC – показатель фокуса	REFL – возвратность
FUT – будущее время	RES – результатив
GEN – генитив	RESTR – рестриктивная частица
HAB – хабитуалис	S – субъект действия (семантическая роль)
HORT – гортатив	SG – единственное число
IMP – императив	SUBJ – сослагательное наклонение
INDQU – косвенный вопрос	SUBST – субстантиватор

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амодогонов Д.Д. 1958 – Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. 1965 – Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1965.
Бокарев А.А. 1949 – Синтаксис аварского языка. М., 1949.
Быкова Е.М. 1960 – Подлежащее и сказуемое в бенгальском языке. М., 1960
Быстров И.С., Нгуен Тай Кан, Станкевич Н.В. 1975 – Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975.
Виноградов В.В. 1975 – Основные вопросы синтаксиса предложения // В.В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
Гезениус В. 1874 – Еврейская грамматика. СПб., 1874.
Гр. бурят. яз. 1962 – Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
Гр. литов. яз. 1985 – Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

- Добрушина Н.Р. (в печати) – Глагольное формообразование // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Казенин К.И. (в печати) – Коммуникативное выделение // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Калинина Е.Ю. (в печати) – Предложения с именным сказуемым // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Майсак Т.А., Татевосов С.Г. (в печати) – Глагольные формы в дискурсе // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Майсак Т.А., Татевосов С.Г. 1998 – Кодирование эпистемических значений средствами морфосинтаксиса // ВЯ. 1998. № 1.
- Мельчук И.А. 1972 – Опыт теории синтаксических моделей "Смысл $\leftrightarrow$ Текст". М., 1972.
- Рохалил Хабар. 1996 – Евангелие от Марка (на аварском языке). Стокгольм, 1996.
- Саидов М.С. 1954 – Развернутые члены предложения в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954.
- Саидов М.С. 1967 – Аварско-русский словарь. М., 1967.
- Сумбатова Н.Р. 1984 – Грамматикализация глагольного синтаксиса. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Сурхаев М. 1984 – Нух билаг (Счастливого пути) (на аварском языке). Махачкала, 1984.
- Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. 1966 – Грамматический очерк лезгинского языка // Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев. Лезгинско-русский словарь. М., 1966.
- Черемисина М.И. 1979 – Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979.
- Austin P. 1981 – A grammar of Diyaari, South Australia. Cambridge, 1981.
- Bowers J. 1993 – The syntax of predication // Linguistic Inquiry. 1993. № 3.
- Bouguiaux L. 1970 – La langue Birom. Paris, 1970.
- Broschart J. 1997 – Why Tongan does it differently? // Linguistic typology. 1997. № 1.
- Bunn G. 1974. – Golin grammar. Ukarumpa (Papua NG), 1974.
- Bykova E.M. 1981 – The Bengali language. Moscow, 1981.
- Canu G. 1973 – Description synchronique de la langue môle. Paris, 1973.
- Dohson J. – Learn Biblical Hebrew (на правах рукописи).
- Foley W., Van Valin R. 1984 – Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.
- Foley W., Olson M. 1985 – Clausehood and verb serialization // Grammar inside and outside the clause: Some approaches to theory from the field. Cambridge, 1985.
- Givón T. 1984 – Syntax: a functional typological introduction. V. 1. Amsterdam, 1984.
- Hagège Cl. 1970 – La langue mbum de Nganha (Cameroun). Paris, 1970.
- Haspelmath M. 1992 – A grammar of Lezgian. Berlin; New York, 1992.
- Hengeveld K. 1992 – Non-verbal predication. Berlin; New York, 1992.
- Radford A. 1988 – Transformational grammar. A first course. Cambridge, 1988.
- Ries J. 1931 – Was ist ein Satz? Prag, 1931.
- Sawyer J. 1980 – A modern introduction to Biblical Hebrew. London, 1980.
- Wetzer H. 1996 – The typology of adjectival predication. Berlin; New-York, 1996.